

рамках монографического исследования. Лишь небольшая его часть впервые вводится в научный оборот, но некоторые важные тексты заново рассматриваются с интересующего автора угла зрения. Так, в одной греческой рукописи, хранящейся в Ватиканском архиве, содержится рассказ о походе безымянного византийского полководца палеологовского времени в Болгарию, страну, которая оказывается “скорее тенью, чем реальностью, скорее образом, чем прототипом, скорее чем-то несущественным, нежели тем, что она собой представляет, скорее потерей, чем приобретением”. Трудно найти во всей византийской литературе за семь столетий соседства и симбиоза со средневековой Болгарией более емкое определение. Болгария не была для ромеев ни своей, ни чужой. Страна и ее обитатели воспринимались византийцами как некий “незавершенный проект” приведения к богопознанию соседнего варварского племени и его государей. Ромеи могли сетовать, что под руками болгар совершенные формы имперского политического порядка становились более похожими на варварские, что даже самый образованный болгарин мог достичь лишь половины греческой учености, что христианская вера не могла полностью преодолеть “необузданную и грубую” природу недавних язычников. Они могли гордиться тем, что болгары приняли из византийских рук свет христианства, что их столицы были “детьми” великой Матери городов – константинопольской метрополии, а их государи – крестниками и духовными сыновьями, братьями и даже племянниками ромейских василевсов. И в том, и в другом случаях Болгария и болгары, в отличие от других славянских народов православного круга, воспринимались как часть ядра византийской ойкумены, а не как ее далекая периферия. Эта важнейшая особенность болгарской средневековой культуры нашла в новом исследовании болгарского медиевиста очередное подтверждение.

Д.И. Польвянный

Iordanis Grigoriadis. Linguistic and Literary Studies in the *Epitome Historion* of John Zonaras // Κέντρο βυζαντινῶν ἐρευνῶν. Θεσσαλονίκη, 1988

Книга ныне покойного греческого исследователя И. Григориадиса – первая монография, посвященная творчеству Иоанна Зонары. Уже само название этой работы указывает на ее новаторский характер. Стилистического анализа хроники Иоанна Зонары, а тем более других его сочинений, еще никто не проводил. О Зонаре писали многие исследователи, но такой задачи они перед собой не ставили. Это вполне объяснимо: “Сокращенную историю” писателя долгое время считали всего лишь *Mönchsarbeit* – примитивный “монашеской” хроникой¹. Г. Хунгер безоговорочно относил ее к *Trivialliteratur*², при согласии с таким определением анализ ее языка и стиля представлялся бы почти бессмысленным. Действительно, стоит ли искать индивидуальные художественные достоинства в заурядном компилятивном сочинении?

По-новому взглянуть на хронику Зонары позволила статья П. Магдалино³, где ученый показал, что хронист далеко не всегда так зависим от своих источников, как это кажется на первый взгляд. Пересказывая источник, Зонара не скрывает собственных взглядов, нередко вносит исправления, снабжает текст комментарием. Таким образом, были приведены серьезные доводы в пользу того, что хроника – не примитивная компиляция, а самостоятельное историческое сочинение.

Вслед за работой П. Магдалино появилась статья Д.Е. Афиногенова⁴, в которой исследователь проанализировал *proömion* хроники Зонары и пришел к заключению, что одним из достоинств компилятивного исторического труда Зонары является его стили-

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 374.*

² *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 418.*

³ *Magdalino P. Aspects of twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. P. 326–346.*

⁴ *Afinogenof D.E. Some Observations of Genres of Byzantine Historiography // Byzantion. 1992. 72. P. 13–33.*

стическое единообразие. Стал очевиден интерес автора хроники к проблемам художественного стиля.

В контексте упомянутых работ необходимость подробного исследования языка и стиля хроники Зонары уже вполне понятна. Первая попытка такого исследования и была предпринята автором рецензируемой монографии.

Метод И. Григориадиса – детальный и всесторонний анализ текста хроники. Ученый сопоставляет тематически сходные отрывки хроники и других исторических сочинений XI и XII вв., привлекает обширный материал из риторических трудов того же периода, проводит многочисленные параллели с другими произведениями Зонары.

И. Григориадис пришел к ряду важных выводов. Он показал, что хроника Зонары написана изысканным и даже усложненным “аттическим” языком. Особое внимание хронист уделяет лексике: он тщательно избегает простонародных выражений, не соответствующих аттической норме, использует множество синонимов для обозначения одного и того же понятия, проявляет заметный интерес к этимологии. Синтаксический строй хроники тоже подвержен влиянию аттической нормы. Пересказывая источник, Зонара часто усложняет его текст. Длинные периоды, сложноподчиненные предложения, многократное употребление пассивных конструкций – все это свидетельствует о высоком мастерстве хрониста.

Однако успешное подражание древним образцам, “правильность” языка – не единственное достоинство хроники Зонары. Григориадис показывает, насколько искусно писатель владеет техникой словесной игры. Игра слов, редкие идиоматические выражения и неожиданные метафоры позволяют хронисту пересказать по-новому даже “общие места” византийских хроник, что особенно заметно при сравнении текста хроники с ее источниками. Весьма интересно, что И. Григориадису удалось обнаружить в тексте хроники целенаправленную иронию (с. 133–147). Иронический оттенок чаще всего появляется в повествовании Зонары в пассажах, где он прибегает к словесной игре и снабжает текст хроники авторскими ремарками. Эти приемы изложения характеризуют литературный талант Зонары, пожалуй, наиболее ярко.

Таким образом, Григориадис убедительно показал, что хронику Иоанна Зонары не следует оценивать исключительно как перечень исторических фактов и событий или как пересказ исторических сочинений своих предшественников (древних и недавних). Его хроника – оригинальное сочинение, имеющее самостоятельную ценность. Это утверждение, ставшее лейтмотивом монографии, ученый подкрепляет множеством примеров. Так, Григориадис приводит шестьдесят случаев искусной словесной игры в тексте хроники (каждый из этих случаев он снабжает своим комментарием – С. 149–156). Богатейший материал, собранный исследователем, представляет огромный интерес для дальнейшего изучения творчества Зонары.

Однако при исследовании этого обширного материала Григориадис не всегда, на наш взгляд, четко формулирует стоящие перед ним задачи. К примеру, чтобы оценить, насколько единообразен стиль Зонары, ученый рассматривает два вопроса: во-первых, сколь часто в хронике повторяются “сходные элементы” (*similar elements*), и, во-вторых, насколько верен Зонара тем принципам, которые он сам обозначил в предисловии (с. 129). Григориадис показал, что хронист регулярно вносит в источники одни и те же стилистические изменения, и эти изменения вполне созвучны его установкам, высказанным в *prooimion*. Кроме того, на протяжении всего текста Зонара употребляет одну и ту же лексику, сходные формы и обороты при построении фраз. К примеру, он многократно преобразует активный залог в пассивный, вставляет в текст назывные предложения. Однако вряд ли на этом основании следует заключать о единообразии стиля Зонары. Хронист мог сколь угодно часто вносить в текст те или иные сходные элементы, но основные стилистические различия используемых им источников могли при этом сохраниться. Удавалось ли Зонаре действительно устранить хотя бы наиболее существенные из таких различий в стиле источников, или же они тем не менее остаются заметны в тексте хроники? Этого вопроса, наиболее важного в данном контексте, Григориадис не ставит вообще. Поэтому и вывод его о единообразии стиля Зонары кажется все-таки преждевременным.

Некоторые же заключения Григориадиса представляются нам ошибочными или неточными. Так, отдельную главу монографии ученый посвящает разбору и сопоставле-

нию предисловий в сочинениях ряда византийских историков. Рассматривая проομιον Никиты Хониата, исследователь пытается объяснить противоречие между заявлениями писателя о его стремлении к простоте и ясности и запутанностью его стиля (с. 45). Мысль Григориадиса заключается в следующем: слова Хониата о простоте слога – характерное для византийцев самоуничижение; историк сознательно умаляет свой талант на словах, дабы на деле доказать обратное. Но можно ли считать такое объяснение обоснованным? В предисловии Хониат утверждает, что истории приличествует ясность и простота и что он не будет писать вопреки установившимся жанровым канонам⁵. Иначе говоря, как это следует из слов самого Хониата, он пишет простым языком отнюдь не потому, что сложнее писать не в состоянии, а потому, что именно таким стилем следует писать историю. Самоуничижения, как мы полагаем, в словах Никиты нет.

Кроме того, видимо, по недосмотру Григориадис допустил в тексте ряд незначительных ошибок. Так, к примеру, он пишет, что в предисловии к Синопису Скилицы упоминается Георгий Монах (с. 34). В действительности там идет речь о Георгии Синкелле⁶. Цитируя Продолжателя Скилицы, Григориадис однажды назвал его Кедрином (с. 70), а сообщение Кедрина о событиях VI в. приписал Скилице (с. 144).

Однако в целом ученому удалось достигнуть его основной цели – убедить современного читателя, что хроника Иоанна Зонары – своеобразное историческое сочинение, ценнейший литературный памятник комниновской эпохи. Хочется надеяться, что книга повысит интерес исследователей к творчеству одного из до сих пор недооцененных византийских авторов.

Д.А. Черноглазов

“Coptica Hermitagiana”. Сборник материалов. К 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. 184 с., 42 ил.

На рубеже XIX и XX веков произошло подлинное открытие коптского искусства. Частные лица и ряд музеев в разных уголках земного шара начали формировать собрания своеобразных произведений египтян-христиан, открытых в результате археологических раскопок, покупок, дарений. В числе таких музеев был и Императорский Эрмитаж. Ядро коптской коллекции музея заложил хранитель отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа В.Г. Бок (1850–1899), совершивший в 1887–1888 и в 1897–1898 гг. поездки в долину Нила. Ныне эрмитажное собрание насчитывает более 5,5 тысяч единиц хранения. Оно является самым крупным в России и одним из лучших в мире.

На конец 1990-х годов пришелся юбилей коптской коллекции Эрмитажа. Музей отметил столетний юбилей проведением 29–30 сентября 1999 г. международной коптологической конференции, а 15 ноября того же года научного заседания отдела Востока Эрмитажа, посвященного памяти В.Г. Бока, устройством временной выставки “Сокровища египетских пустынников (Памятники коптского искусства и письменности в собрании Эрмитажа)”, изданием нескольких публикаций. В их числе находится и сборник “Coptica Hermitagiana”, составителем и научным редактором которого является хранитель коптской коллекции музея, д-р искусствоведения А.Я. Каковкин.

Сборник открывается вступительной статьей директора Эрмитажа, чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровского “Свет коптской лампы”. Далее – три страницы от составителя. Затем следуют основные разделы. В первом, самом большом, названном “Из истории коптской коллекции Эрмитажа”, помещены статьи о первом поступлении в Эрмитаж коптских тканей (Б.А. Тураев, 1890 г.) и о последнем приобретении музея (А.И. Еланская, 1977 г.), а также о хранящихся в музее памятниках (В.Г. Бока, 1895 г. – о бронзовом сосуде V в. для елея; В.В. Струве, 1912 г. – о папирусе с текстом долгового обязательства, позже VIII в.; К.С. Ляпуновой – о самой большой завесе Эрмитажа V в.; М.Г. Быстриковой – о деревянной пластине с изображением газели V–VI вв., автор да-

⁵ Nicetae Choniatae Historia / Ed. J.A. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. Pt. I. P. 3. P. 34–51.

⁶ Joannes Scylitzes. Synopsis historiarum / Ed. I. Turn. B.; N.Y., 1973. P. 3. 7–8.